

А.Н. Чубинский (Москва)

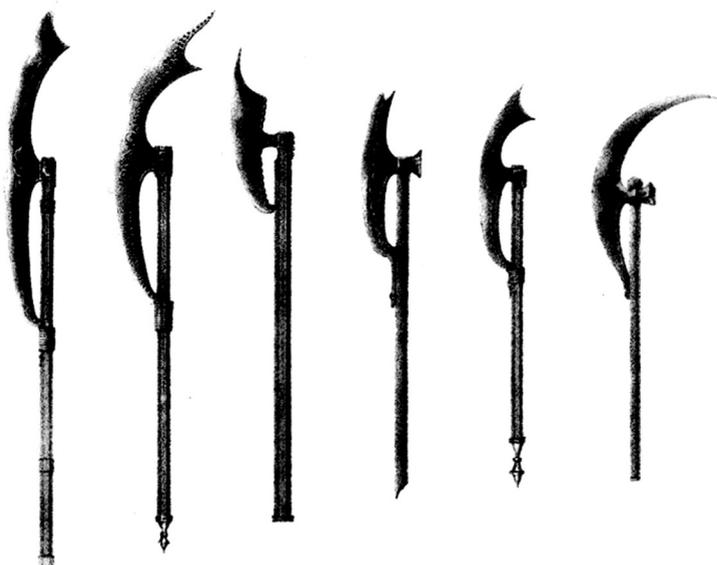
О РУССКИХ БЕРДЫШАХ

ВСРАВНЕНИИ с другими видами русского вооружения XVI–XVII в. бердыши могут считаться достаточно хорошо изученными. Множество историков оружия, начиная с А.В. Висковатова и кончая исследователями начала XXI в.,¹ уделяли внимание этому интересному типу вооружения. Изображения бердышей, опубликованные А.В. Висковатовым (ил. 1) и Ф.Г. Солнцевым (ил. 2) сделали это оружие узнаваемым и создали основу для его типологизации.

Слабой стороной изучения бердышей является отсутствие хоть сколько-нибудь точных датировок. В настоящий момент в музеях России нет ни одного бердыша, датировка которого не была бы чисто умозрительной². Тем не менее, весьма успешно развивалась типологизация этого вида оружия.

Результатом более чем полуторавекового исследования бердышей явилось создание типологической схемы, автором которой можно считать эрудированного археолога О.В. Двуреченского. Эта типология (ил. 3) включает четыре типа, выделенные по форме лопасти топора (при перечислении типов даются также их названия, употребляющиеся другими исследователями):

1. «Бердыши топорovidные»³.
2. «Бердыши с месяцевидным лезвием и роговидным верхним концом, откованным в одно острие» (другие названия: «бердыши в одно острие», «бердыши в виде полулуния», «бердыши в виде полумесяца»).
3. «Бердыши с верхним концом, срезанным в виде полумесяца», или «бердыши с верхним краем в два острия» («полулуние с развитым пером»).

Русское вооружение съ XIV до половины XVII столѣтїя,

Ил. 1. Бердыши из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова. 1841 г.

4. «Бердыши с острове́рхим концом и ромбическим лезвием»⁴.

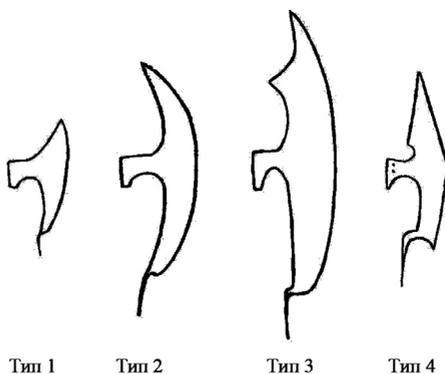
Прежде всего, нужно сказать несколько слов о терминологии, используемой при описании бердышей (равно и топоров). Практически все наименования вышеприведенных типов неудачны. Если мы вспомним исходное определение бердыша – «топор на длинном древке» – то название «бердыши топовидные» буквально означает «топоры топовидные» (тип 1). Наименование «бердыш в одно острие» (тип 2) представляется искусственным и несамостоятельным, вторичным по отношению к наименованию «бердыш в два острия». При этом ясно, что бердыши этого типа являлись более ранним и классическим вариантом этого оружия. Неправильным представляется и название «бердыш в два острия»⁵ (тип 3), ибо выступ на тупье не является острием (у некоторых образцов этот выступ намеренно закруглен) и для нанесения колющего удара не приспособлен. «Верхний конец, срезанный в виде полумесяца» – также неудачное определение, так как сравнение с полумесяцем

уже используется при определении бердыша в целом. С нашей точки зрения, оружие этого типа можно назвать «бердыши с елманью». Елмань – известный исторический оружейный термин, обозначающий выступ или расширение на обухе в верхней части сабельного клинка. Применение этого термина к описанию одного из типов бердышей является интуитивно понятным и не может вызвать путаницы. Еще Э.Э. Ленц использовал термин елмань при описании формы бердышного топора⁶.

Но не во всех случаях перенос термина из близкой предметной области будет оправданным. Нельзя назвать удачным «перо» как обозначение верхней части бердышного топора. Этот исторический термин применяется к боевой части рогатин и копий, которая непосредственно предназначена для колющего удара и обладает осевой симметрией в отличие от острия бердышей.

Ил. 2. «Бердыши и топоры» из альбома Ф.Г. Солнцева «Одежды Русского государства» 1869 г.

Ил. 3. Типология русских бердышей по О.В. Двуреченскому

Крайне неточны и некоторые ранние определения бердыша, например, в словаре С.А. Тучкова 1818 г.: «Старинное оружие... широкий, наподобие полумесяца топор, насаженный на древке, длиной в рост человеческий, имеющий сверху копье...»⁷. Верхнее острие лопасти топора в русском языке имеет достаточно точное наименование «носок» («носок топора»)⁸, которое гораздо точнее, чем «перо» и «копье» и, кроме того, может быть общим для всех топоров. Тот факт, что у ряда бердышей у острия имеется поперечное утолщение, аналоги которого встречаются на наконечниках рогатин и стрел, подтверждает, что эти образцы были рассчитаны на нанесение колющего удара.

Наконец, хотелось бы высказать полное несогласие с использованием термина «лезвие» по отношению к лопасти топора или даже всей металлической части оружия. В равной степени этот термин неприменим к клинку клинкового оружия. Лезвие – это линия, заточенная кромка, но ни в коем случае не массивная часть оружия. При этом часть исследователей именуется «лезвием» металлическую часть топора в целом, «железко», следовательно, в их понимании обух также оказывается частью «лезвия». Крайне огорчительно читать определение бердыша, данное известным историком оружия Л.А. Бобровым: «топор с вытянутым месяцевидным бойком (пером, лезвием), насаженным на длинное... древко»⁹. Боевая часть бердыша не является ни бойком, ни пером, ни лезвием, все эти оружейные термины абсолютно не подходят для характеристики бердышного топора. Недостаточное понимание оружейной терминологии демонстрирует и фраза О.В. Двуреченского: «Топор бердыша состоит из следующих конструктивных частей – лезвие, тупие, обух и косица»¹⁰. Вообще говоря, конструктивными частями любого изделия являются исходные детали. Из перечисленного исследователем конструктивной частью может быть назван лишь обух (возможно, еще и косица), в то время как лезвие и тупье формируются в процессе изготовления и могут являться деталями топора только в метафорическом смысле, но ни в коем случае не могут быть конструктивными частями.

Надо заметить, что термин «обух» применительно к древковому рубящему оружию имеет два значения¹¹. Первое из них – собственно обух, «тупая сторона острого орудия», та часть топора, которая может использоваться как ударно-раздробляющее оружие (или же как бытовой инструмент, тяжелый молоток). Именно в этом смысле термин употреблялся в документе 1683 г.: «И приказал служилым лю-

дем вязать и ковать и бить насмерть меня... рычагами и бердышными обухами»¹². Второе значение – часть топора, образующая проушину (отверстие для топорича). Так, в 1690 г. на балансе Ченцовского железоделательного завода в Каширском уезде числилось «94 обуха бердышных, 10 обухов топорных»¹³. В этом документе обухом названа отдельная деталь бердыша (топора), которая в дальнейшем могла быть сварена с лопастью топора, откованной отдельно. Во избежание путаницы мы предлагаем использовать термин обух, по возможности, в первом смысле, а для обозначения массивной части топора, внутри которой находится проушина, использовать обозначение «обушная часть (топора)».

Итак, наше видение терминологии, необходимой для описания бердышей, таково. Металлический наконечник¹⁴ оружия включает в себя лопасть и обушную часть, разделенные шейкой¹⁵. Форму лопасти (или полотна) определяют линия лезвия, верхнее и нижнее тупье. Термин «длиннолезвийный топор»¹⁶ вполне приемлем, как и «широколопастный топор». На верхнем тупье может находиться выступ, который допустимо называть елманью. Верхняя заостренная часть лопасти называется носком топора или острием, нижняя часть завершается косицей (аналогом пожилин на длиннодревковом оружии), началом которой является место прилегания к древку¹⁷. Проушина, у которой может варьироваться поперечное сечение, проходит внутри обушной части, а обух представляет собой поверхность, поперечную по отношению к лопасти топора, которая может быть использована для нанесения удара.

Возвращаясь к типологии О.В. Двуреченского, отметим ее внешнюю эффективность. На первый взгляд, пользуясь этой схемой, имеющиеся в музеях бердыши легко сгруппировать и подготовить для дальнейшего исследования. Но первые два типа не имеют формальных морфологических критериев, по которым их можно было бы различить. Более того, если составить ряд из бердышей с постепенно увеличивающимися размерами (ил. 4) то мы увидим плавный переход от образцов, близких по форме к бытовым топорам, к классическим бердышам с вытянутой лопастью и выраженным острием. На представленной иллюстрации невозможно понять, где именно кончаются бердыши типа 1 и начинаются бердыши типа 2.

Анализ изображения (ил. 4) может привести к двум противоположным выводам. С одной стороны, кажется очевидным, что представленный ряд можно трактовать как развитие исследуемого оружия.

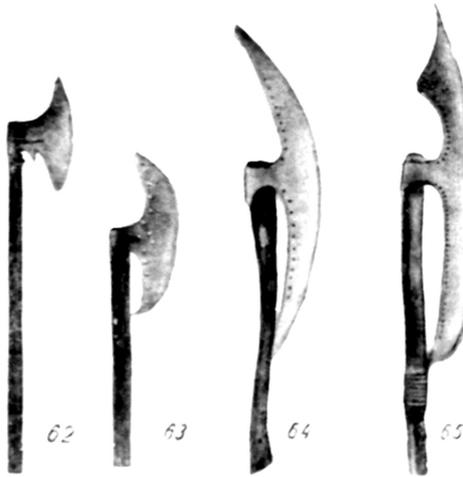

Ил. 4. Бердыши. Россия, XVI–XVII вв. (?). Музеи Московского Кремля

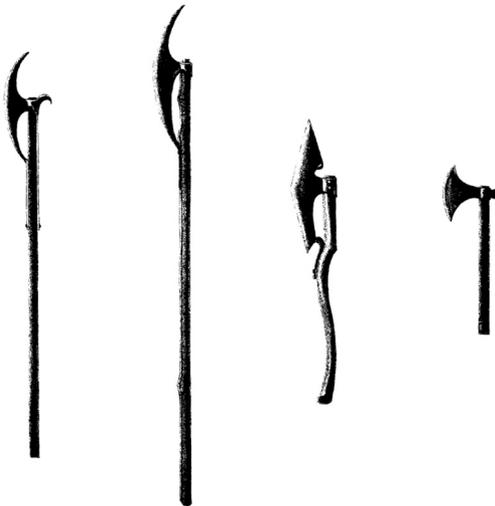
Но сравнение первого и последнего бердыша заставляет думать, что они не принадлежат к одному типу оружия: если первый из бердышей обладает только качествами рубящего оружия, то последний из них и рубит, и режет, и колет. Таким образом, эти два образца имеют заметно отличающийся набор тактико-технических характеристик, что ставит вопрос: насколько правомерно относить оба предмета к одному классу оружия, объединенному под названием бердышей? Верно ли, что оружие всех четырех вышеприведенных типов носило одно и то же историческое название?

Итак, на повестку дня становится вопрос, с которого наше исследование должно было бы начаться: какое именно оружие мы называем бердышом и какие у нас имеются для этого основания? По мнению О.В. Двуреченского, «бердыш представляет собой вид топора или секиры¹⁸, имеющий такой характерный признак как косица — оттянутая вниз нижняя часть лезвия топора, приспособленная для скрепления с древком-ратовищем. Косица есть один из важных элементов, который позволяет отнести тот или иной топор или секиру к бердышам»¹⁹. Таким образом, определяющим элементом бердыша, с точки зрения О.В. Двуреченского, является косица.

Однако А.Е. Писарев явно не придерживался этого определения и не относил имеющие косицу «топоровидные бердыши» к бердышам²⁰. В книге «Военное дело на Руси в XIII–XV вв.» А.Н. Кирпичников постулировал существование русских бердышей в XV в., ни разу не упоминая косицу как их неперменный элемент²¹. Также мнение О.В. Двуреченского противоречит известному определителю оружия 1953 г. М.М.Денисовой и др., где бердышами названы топо-

Ил. 5. Бердыши и топоры из «Краткого определителя русского боевого оружия XI–XIX веков» М.М. Денисовой и др.

Ил. 6. «Топоры» из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова. 1841 г.

ры с самой разной длиной лезвия и древка, в том числе те, которые не имеют дополнительного крепления в виде косицы (ил. 5)²². Э.Э. Ленц при выборе номенклатуры русского древкового оружия называл бердышом оружие на древке²³, а то же самое оружие без ратовища именовал просто топором²⁴. Наконец, еще в издании А.В. Висковатова несколько образцов широколопастных топоров на длинных древках с крепежной косицей не были отнесены к бердышам, а названы просто топорами (ил. 6)²⁵.

Мнения зарубежных историков оружия мы не будем учитывать, так как они используют название русского оружия (*англ.* berdysh, bardiche; *нем.* Berdysch; *польск.* berdysz) достаточно про-

извольню. Так, В. Бехайм, рассуждая о бердыше как разновидности североευропейского пехотного топора и полагая его появление, по всей видимости, в Скандинавии в XV в., привел изображение характерного русского бердыша середины – второй половины XVII столетия как оружия придворной стражи конца XV в.²⁶ Также европейские оружейеды зачастую называли бердышами такое оружие, которое вообще не бытовало в России XVI–XVII вв.²⁷

Наконец, ни один из отечественных исследователей не пытался подтвердить свое определение бердыша ссылками на источники или привести пример конкретного музейного предмета, для которого историческое наименование было бы известно точно. По существу никто из современных оружейедов не задавался вопросом, какое именно историческое название носило то оружие, которое в XIX–XXI вв. публиковалось под привычным названием бердышей. Тот факт, что в музейных собраниях образцы оружия этого типа записаны в инвентарных книгах как бердыши, не является доказательством того, что во время своего активного использования эти образцы носили то же название. Аналогичным образом, ни для одного бердыша, упоминавшегося в письменных источниках эпохи Московского царства, не реконструирован его внешний вид. Форма бердыша (вернее, выявленных типов бердышей) предполагается исследователями самоочевидной. Сопоставление сведений из письменных источников о широком хождении бердышей у стрельцов с изображениями стрельцов у Августина Мейерберга и Эрика Пальмквиста является лишь косвенным доказательством соответствия названия *бердыш* топору с характерной вытянутой лопастью.

Терпят неудачу и попытки исследователей найти наиболее ранее упоминание бердыша в письменных источниках. О.В. Двуреченский ссылается на цитату из книги английского посла Джильса Флетчера, впервые изданной в 1591 г.: «У стрельца или пехотинца нет никакого оружия, кроме ружья в руке, бердыша на спине и меча с боку...»²⁸. Однако эта цитата является переводом, эта же фраза на английском, приведенная еще А.В. Висковатовым, не содержит слова бердыш, а в качестве вооружения стрельца упоминается «his striking hatchet at his back»²⁹. Английское *hatchet* – это топор, но это наименование не позволяет хоть сколько-то приблизительно уточнить его тип, не говоря о наличии у этого оружия косицы.

Также О.В. Двуреченский указывает, что «с этого периода [1580-х] упоминания о бердышах становятся повсеместны, их хоро-

шо отличают западные путешественники от других типов топоров, секир и древкового оружия смешанных типов». И с этим утверждением нельзя согласиться. Англичанин Ричард Джемс, составивший в 1618–1619 гг. русско-английский словарь, дал следующее определение: «*Bardish, the Mugiaks speare*»³⁰, дословно «бердыш, мужицкое копье». Можно лишь предположить, что Джемс уподоблял виденные им бердыши оружию с наконечниками типа европейской глефы или сибирской пальмы, предполагавшими нанесение рубящих ударов. Но факт того, что Джемс фиксирует крайне расплывчатое определение бердыша, очевиден.

Ранние русские источники дают повод подозревать, что оружие, называвшееся в них *бердышами*, вовсе не обязательно являлось бердышом в современном смысле. Так, согласно приходным книгам Болдина-Дорогобужского монастыря, в 1587 г. были куплены «для береженья от лихих людей дитенышам монастырским два бердыша немецкие, дано за оба бердыша две гривны»³¹. Вряд ли мы когда-либо узнаем, какое именно оружие в 1587 г. именовалось *немецким бердышом*, но сам термин указывает на то, что это оружие чем-то отличалось от русских бердышей, и можно быть уверенным, что в современной классификации это оружие получило бы иное название. Наличие косицы на топорах, отмеченных в документе, весьма проблематично.

Нельзя хоть сколько-то уверенно определить и боевое оружие, которое фигурировало в посольском статейном списке 1592 г. под именем бердыша. В этом документе сообщается о грабежах, чинимых подданными Сигизмунда III по отношению к гражданам России: «Ехали изо Пскова в судне озером к Печерскому монастырю псковичи посадские люди... Захарко да Павлик и пристали были на государеве исаде на Черемщах, и туто приехав на них в лотках Якова Сиговского служебник Войтех с Измены со многими литовскими людьми, с самопалы и з бердыши и с топоры, да того Захарка и Павлика ограбили»³². Можно лишь констатировать, что тип этого оружия чем-то отличался от привычных топоров, упомянутых в том же документе.

Другая ранняя фиксация слова *бердыш* содержится в отчете русского посольства, отправленного к императору Рудольфу II в 1596 г. В документе рассказывалось о том, как послов встречали во Вроцлаве: «А как ехали к городу... в посаде по улицам стояли тутошние мещане и дробанты с пишалми и с бердыши, и ходили прапорщики

по улицам до посольского двора с прапоры, с набаты и свирелми»³³. Древковое оружие, которым были вооружены «драбанты» во время торжественной встречи послов и которое было названо в документе *бердышами*, возможно, являлось алебардами.

Самое раннее упоминание бердыша в качестве оружия встречается в 1576 г. в документах русского посольства, отправленного к императору Максимилиану II: «от городских ворот и до Посольного двора стояло дрябов с самопалами и с бердыши человек с две тысячи, все в латах»³⁴. Вероятнее всего, под бердышами и здесь подразумеваются алебарды, но в любом случае, исключено, что определяющим при выборе названия для этого древкового оружия было наличие на нем такого крепежного элемента как косица.

Итак, ранние источники говорят о том, что привычный зрительный образ, возникающий у историков оружия при упоминании бердыша, может решительным образом отличаться от того реального оружия, которое упоминалось в письменных источниках. В свете вышесказанного крайне недостоверными выглядят такие противоречащие друг другу утверждения современных исследователей: «Бердыши в западных изобразительных источниках встречаются со второй половины XIV в»³⁵. «Бердыш – отечественное изобретение, изготовляли его только в России... лезвия боевых бердышей достигали в длину от 23,5 см в XV–XVI вв. до 60–80 см в XVI–XVII вв.»³⁶. Оба высказывания, по сути, безосновательны: не зная точного определения русских бердышей и не имея точных данных о времени их бытования, недопустимо экстраполировать это название на европейское оружие и приводить его размеры.

Пожалуй, единственный исследователь, который ответственно подошел к теме определения исторической формы бердышей – А.Е. Писарев, который писал: «Бердыш не описан подробно ни в одном из известных на сегодняшний день источников, лишь в некоторых случаях упоминается сравнение его формы с полумесяцем»³⁷.

Самое раннее упоминание бердыша в письменных источниках, которое мы можем сопоставить с сохранившимся оружием, находится в дневнике Марины Мнишек 1606 г. В рассказе о торжественной встрече в Кремле, которая была устроена Лжедмитрием для своего будущего тестя Юрия Мнишека, упоминается, что «по бокам царя стояло по два дворянина с бердышами железными на золотых рукоятках», далее, когда лже-царь отправился в церковь, «за ними шли приближенные с бердышами, четыре дворянина, которые находились

Ил. 7. Топор посольский. Москва, конец XVI в. Музеи Московского Кремля

при царе, а пятый — с мечом»³⁸. Без сомнения, речь идет о царских телохранителях рындах, а *бердышами* (в польском тексте используется слово *berdysz*)³⁹ были названы знаменитые посольские топоры, скорее всего, московской работы (ил. 7). Для этого оружия помимо широколопастного топора характерна круглая в сечении проушина.

Ил. 8. Бердыш. Украина (?), 1648 г. (?). Национальный музей в Кракове

Обоснованно называть-ся бердышом может также один образец древкового оружия, хранящийся в Национальном музее Кракова. Это мемориальный бердыш, название которого удостоверяет надпись на лопасти топора: «Под Замосцем я, Богдан Хмельницкий... [далее следует перечисление его политических противников. — А. Ч.] сим бердышем заграю на их толстых шиях козака. Року 1648 месяца листопада 11 дня»⁴⁰ (ил. 8). Этот бердыш, как и посольские

топоры, имеет симметричную лопасть топора и ударный поражающий элемент на обухе, но не имеет косицы. К сожалению, подлинность этого оружия вызывает большие сомнения⁴¹.

Еще один музейный предмет, который во время своего активного бытования носил название бердыша, был найден в ходе анализа дела 1676 г. об ограблении Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым⁴². Это дело включает несколько челобитных, взаимно противоречащих друг другу. В первой из них архимандрит монасты-

ря жаловался на воеводу Мещеринова, который, по его словам, ограбил монастырскую казну, присвоив себе, в том числе, и некоторое количество оружия. В ответной челобитной бывший воевода Мещеринов, все имущество которого было к тому времени изъято, излагал дело в ином ключе. А именно, что часть имущества была взята «ратными людьми» его полка во время захвата монастыря в 1573 г. в качестве трофеев: «они имали у воров на бою и в кельях рухледь и платья»⁴³. Также Мещеринов настаивал на том, что конфискованное у него новым воеводой оружие принадлежало ему лично, и привел подробный список изъятого, в который входило, в том числе «семь бердышов, **один из них двойной** [выделено мною. – А. Ч.], цена три рубли с полтиною»⁴⁴. Список показывает, что часть имущества, конфискованного у бывшего воеводы, в действительности не могла принадлежать монастырю (например, «Книга ратного строю полковая печатная, цена три рубли», «великого государя жалованье: жалованная пицаль винтовальная, ствол воронен, насечен серебром, ложа яблонная, нарезана раковинными»⁴⁵), однако ко времени написания челобитной все это имущество уже было зафиксировано в монастырских переписных книгах.

Известно, что часть соловецкой оружейной казны сохранилась в Артиллерийском музее в Санкт-Петербурге. В настоящий момент в экспозиции этого музея выставлен бердыш, наконечник которого имеет одну проушину и две лопасти топоров, сваренных в верхней части, каждая из которых в нижней части имеет крепезную косицу (ил. 9). Если источником поступления этого своеобразного бердышного лабриса является Соловецкий монастырь, то с наибольшей вероятностью этот «двойной» бердыш тождественен упоминавшемуся в челобитной Ивана Мещеринова 1676 г. Основания для такой идентификации –

**Ил. 9. Бердыш двойной.
Россия, до 1673 г. (?).
ВИМАИВнВС**

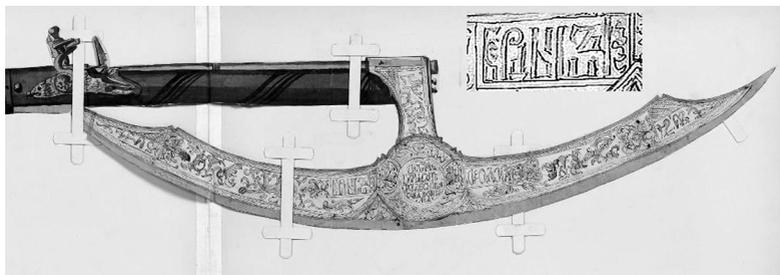

Ил. 10. Бердыш. Москва, до 1689 г. Музеи Московского Кремля

уникальность «обоюдного» бердыша: как в письменных источниках, так и в музейных собраниях – это единственный предмет такого рода. Кому бы ни принадлежал этот бердыш изначально (воеводе Мещеринову⁴⁶ или Соловецкому монастырю), наверняка он был изготовлен до сентября 1673 г., то есть до начала осады обители царскими войсками.

Другой предмет из музейного собрания, который в XVII в. определенно назывался бердышом, хранится в Оружейной палате. Это бердыш с прорезной лопастью (ил. 10), описание которого в ходе нашей работы было найдено в Описи имущества князей Голицыных 1689 г.: «Бердыш большой прорезной с обухом; цена 13 алтын 2 деньги»⁴⁷. «Обух» в данном описании означает выступ в виде молотка. Известно, что оружие В.В. Голицына и его сына было конфисковано и передано в Оружейную палату в 1689 г. Ранее этот бердыш ошибочно определялся как поступивший в музейное собрание из Санкт-Петербургской Рюст-камеры в 1810 г. и из Троице-Сергиевой лавры в 1830 г.⁴⁸ Происхождение оружия определенно русское (о чем говорят изображения единорога и льва), но он имеет нетипичный для русских бердышей обух, оттянутый молотком, и круглую в сечении проушину.

В архиве Музеев Кремля имеется еще один экспонат, который устанавливает прямое соответствие между названием *бердыш* и внешним видом оружия, ему соответствующего. Это акварель первой половины XIX в., на которой в натуральный размер изображено комбинированное оружие, у которого ружейный ствол с цевьем являются древком бердыша (ил. 11)⁴⁹. В нашем недавнем исследовании⁵⁰ было высказано предположение, что изображенное на рисунке оружие (наверняка утраченное безвозвратно) первоначально

Ил. 11. Изображение бердыша-ружья и подписи на нем на акварели первой половины XIX в. Музеи Московского Кремля

входило в вышеупомянутый арсенал князей Голицыных и значилось в Описи 1689 г. как «бердыш железной огненной с крюком, а в приемных книгах написан топорком, покрыт кожей красною»⁵¹. Так или иначе, но наиболее вероятное время изготовления этого оружия – последние десятилетия XVII в.; судя по рисунку, на нем был установлен кремневый замок французского типа. Сомнения в том, что на момент своего изготовления этот образец носил название *бердыш*, рассеивает надпись на лопасти топора, воспроизведенная на акварели: «Бердыш Феодора Ивановича Стремоухова...»⁵². Лопасть топора со слабовыраженной елманью завершалась косицей, гвоздь (винт) крепления которой к древку-стволу, возможно, являлся также креплением для замка.

Наконец, имеется еще один изобразительный источник, подтверждающий историческую форму русского бердыша. Среди рисунков шведского разведчика Эрика Пальмквиста, посетившего Россию в 1673–1674 гг., имелось изображение, которое, насколько нам известно, ни разу не публиковалось историками оружия. Раскрашенный акварелью рисунок⁵³ (рис. 12) представляет характерный бердыш с елманью и рядом отверстий вдоль тупья, косица которого закреплена гвоздем,

Ил. 12. Изображение бердыша и подпись из альбома Эрика Пальмквиста 1663 г.

а также обмотана тонким кожаным ремешком (?) красного цвета. Название оружия удостоверяет надпись на старошведском языке «Een Rysk Bardisch, efter Brukeligh Facon och Storleek» («Обычный русский бердыш в натуральную величину»)⁵⁴. Крайне важно, что в текстовой подписи к рисунку Пальмквист отметил типичность формы этого бердыша. Оружие этого типа наряду с ружьем присутствовало также на хрестоматийном изображении русского стрельца. Заметим, что лишь этот источник позволяет нам сопоставить историческое название *бердыш* (*Bardisch*) с характерным типом оружия, прочие приведенные нами примеры относятся к «маргинальным» бердышам (двойной бердыш и топор, комбинированный с ружьем, парадный бердыш с оттянутым обухом) или к оружию, которое с современной точки зрения не является бердышом (посольские топоры).

Таким образом, письменные и изобразительные источники XVII в. подтверждают, что бердышами могли называться, в том числе, широколопастные топоры с крепежными косицами, но, парадоксальным образом, наиболее раннее оружие, для обозначения которого современники употребили слово *бердыш*, – посольские топоры (ил. 7). Эти топоры, как и прорезной бердыш из арсенала князей Голицыных (ил. 10) имели круглые в сечении проушины.

Заметим, что типология О.В. Двуреченского построена на двух предположениях: этот ученый считает, что, во-первых, определяющим элементом бердыша была косица, и во-вторых, что все бердыши имели проушину сходной («подтреугольной») формы⁵⁵. Как выяснилось, оба предположения противоречат источникам. Следовательно, типология бердышей должна быть, по меньшей мере, расширена.

Практически все исследователи не обращали пристального внимания на тот факт, что бердыши в документах второй половины XVII в. часто упоминались параллельно с *топорками*. Замечательно, что А.Е. Писарев попытался определить этот вид оружия, отталкиваясь от изобразительных источников: «Коротколезвийные топоры без косиц в руках московских стрельцов на чертеже «Отпуск стрельцов водяным путем на Разина» логично истолковать как топорки, тем более, что бердыши и топорки состояли на вооружении московских стрельцов одновременно»⁵⁶. Мы примем как рабочую гипотезу это предположение А.Е. Писарева (не считая, разумеется, что название топорки в XVII в. последовательно прилагалось к древковому оружию с отличительными тактико-техническими характеристиками).

В действительности в письменных источниках бердыши часто идут бок о бок с *топорками*. В 1656 г. в деле об изготовлении по царскому указу древкового оружия в вотчинах Спасо-Прилуцкого монастыря было «велено топорки и бердыши делать с образцов, ни болши, ни менши, весом были бы таковы ж, а делать в железе и в укладе добром, а те топорки насадить на долгие топорщища мерою двух аршин, а бердыши насадить на деревье же как ведется, а на концах... у деревья у бердышев велеть делать маленькие копейца... а сковав и насадив топоры на топорщища и бердыши на ратовища, привезть к нам на Вологду»⁵⁷. Заметим, что этот документ чаще всего толкуется таким образом, будто бы в нем указан стандарт длины древка бердышей, в то время как в тексте ясно указано, что длина два аршина должна быть у топорщиц для топорков.

Согласно государеву указу 1658 г. в Москве предполагалось «в нынешнем во 166 году... зделать вновь наспех против обрасца 2000 топорков с крюки и 2000 бердышей с крюки»⁵⁸.

В 1661 г. псковский голова должен был обеспечить охрану города сотенными людьми «с ружьем с пищальми, с копыи, с топорки и с бердыши»⁵⁹.

В росписи Суздаля 1676 г. числилось «суздальцев посацких людей 280 человек с пищальми, триста тридцать три человека с бердыши, сто сорок семь человек с рогатины, семдесят пять человек с топорки... да оброчный бобылей 75 человек с бердыши и с рогатины и с топорки»⁶⁰. В царской грамоте конца 1687 г. вяземскому воеводе Андрею Бутримову предписывалось изготовить для солдатских полков «для Крымского походу... сделать наскоро в Вязьме 357 бердышов да восьмьсот пятьдесят семь полупичных железец... против образцов, каковы присланы с Москвы», причем в Вязьму были отправлены урядники солдатских полков, «с которыми на то дело прислано железо и сталь»⁶¹. В 1669 г. на железных заводах Петра Марселиса было изготовлено и «взято в полк к боярину и воеводе князю Григорью Григорьевичю Ромодановскому с товарищи... 2000 бердышей... да 4000 полупичных железец в Агеев полк Шепелева да 500 топорков в Стрелецкой приказ»⁶². Причем те же топорки в другом документе были названы более развернуто: «Да по памяти ж ис Пушкарского приказу... зделали 4000 полупичных железец, 500 топориков путных»⁶³. В арсенале Пскова в конце XVII в. хранилось «383 бердыша и путных топорков целых и ломаных»⁶⁴.

Таким образом, предположение А.Е. Писарева подтверждается источниками: помимо бердышей было массово распространено оружие со сходными тактико-техническими характеристиками, которое именовалось топорками. Однако вышеприведенная цитата 1689 г.: «бердыш железной огненной с крюком, а в приемных книгах написан топорком»⁶⁵ – показывает, что наименования бердыш и топорок были взаимозаменяемыми. Развивая гипотезу А.Е. Писарева, мы предполагаем, что широколопастные топоры вне зависимости от того, имели они косицу или нет, могли именоваться в документах как бердышами, так и топорками.

Косвенным доказательством этому служит известная цитата из сочинения Авраамия Палицына, описывающего боевые столкновения между польскими интервентами и защитниками Троице-Сергиева монастыря в 1608–1610 гг. Один из защитников обители, «крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом и силен вельми... в руках оружие держаше бердыш... и сечаше бердышем своим на обе страны врагов и удержеваа полк Лисовского Александра; и никто же против его стати не возможе... и многих тогда вооруженных и во бронях уязви»⁶⁶. С нашей точки зрения, крестьянин по прозвищу Суета классическим русским бердышом вряд ли смог «уязвить» нападавших, облаченных «в брони», то есть металлические доспехи. Более вероятно предположение, что Суета остановил интервентов при помощи чисто рубящих ударов, которые были бы заметно более эффективными при использовании тяжелого топора с относительно коротким лезвием, то есть оружия, которое в более позднее время будет чаще называться топорком.

Возвращаясь к проблеме отсутствия четких критериев в типологии О.В. Двуреченского при различении типов 1 и 2 (так называемых «топоровидных» и классических бердышей), мы можем предложить следующее решение. Первый из них следует пополнить топорками, не имеющими косицы, и именно эти топорки зададут максимальный размер оружия, в этот тип входящего. Иными словами, самый большой из топорков будет определять наиболее длинное полотно топора, которое может успешно функционировать без введения нового крепежного элемента – косицы. А принадлежащим к типу 2 будет бердыш с косицей, если длина его лопасти длиннее, чем у любого топорка без косицы. Это различие также условно, но обосновано с технической стороны.

Обратим внимание на массовые заказы бердышей и топорков в 1650-х гг., очевидно, обусловленные необходимостью снабжения

оружием армии перед лицом Русско-польской войны 1654–1667 гг. Вышеприведенные цитаты говорят о том, что оружие изготовлялось по установленным образцам. Например, в 1668 г. на «Тульских и Коширских заводах велено сделать 2000 бердышей с укладом самых добрых по чертежу, каков чертеж подали в Пушкарском приказе генерала Миколаева полку Бовмана полковники Альбрехт Шневенц да Миколай Фанзален... а сделал те бердыши послати в полк» Григория Григорьевича Ромодановского⁶⁷.

Как ни странно, ни один исследователь не задавался вопросом: какого вида образцы бердышей (и топорков) рассылались из столицы? Письменные и изобразительные источники не дают ответа на этот вопрос, но совокупный анализ бердышей в современных музейных собраниях позволил бы дать предположительный ответ. Если среди множества музейных бердышей выделяется однотипное оружие со сходными весо-размерными характеристиками, то мы обоснованно можем предположить, что это оружие было изготовлено по имевшимся образцам.

Думается, что именно таким образом может быть разгадана загадка появления бердышей с елманью. Подавляющее большинство топоров этого типа представляет отчетливый, сложившийся тип оружия без следов развития своей главной отличительной детали – «елмани». С нашей точки зрения, такая форма бердыша была разработана военными специалистами⁶⁸ в Москве (в Пушкарском приказе?) в 1650-е гг., там же были изготовлены образцы, которые рассылались в провинциальные производственные центры. Как можно судить по вышеприведенной оценке Эрика Пальмквиста, к 1674 г. древковое оружие этой формы стало «обычным русским бердышом». Также мы можем указать примерный вес «образцового» бердыша для 1673 г. Согласно документам железных заводов Петра Марселиса «в прошлом во 181-м году... по росписи ис Посольского приказу... отпустил он с Тульских железных заводов в донской отпуск на Воронеж... с сотником московских стрельцов с Никитою Есиповым... 3000 бердышев, весу в них 183 пуда»⁶⁹. Если предположить, что все отпущенные бердыши были однотипными и выполненными по одному и тому же образцу, то его вес был немногим менее килограмма⁷⁰.

Наличие в музеях большого количества достаточно однообразных топоров с косицей («топоровидных бердышей», см. рис. 4, второй и третий в ряду) также позволяет предполагать, что это оружие массово изготавливалось для нужд армии, начиная с середины XVII в., по

Ил. 13. Бердыш и топорок. Россия, вторая половина XVII в. Музеи Московского Кремля

имевшимся моделям. Но в этом случае, в отличие от бердышей с елманью, сам тип оружия сформировался ранее.

Бердыш с елманью и бердыш-топорок (ил. 13), происходящие из исторического арсенала Троице-Сергиева монастыря, похоже, представляют собой образы серийного оружия. Бердыш имеет длину лопасти (без учета косицы) 45 см, вес ок. 800 г; топорок – лопасть 26,5 см, вес ок. 550 г.

Объединяющей деталью для вышеперечисленных массовых видов бердышей служит форма обушной части, общая с традиционными русскими дровосечными или плотницкими топорами. Для этой формы

характерна проушина с сечением в виде треугольника со сглаженными углами и обух с выступом в нижней части (этот выступ уменьшал нагрузку на заднее ребро древка). Такую же обушную часть имеют топорки без косицы, которые, по нашему предположению, в XVI–XVII вв. также могли именоваться бердышами.

В то же время, на протяжении XVI и XVII вв. в Московском царстве существовали и другие бердыши, – с круглой проушиной и, чаще всего, с молотком или иным поражающим элементом на обухе. Для них мы достаточно уверенно можем указать источник появления или заимствования, – это турецкое оружие, причем если в XVI в. заимствовались формы, близкие к «секирам мамлюков» (например, посольские топоры), то в XVII столетии влияние на русское оружие могло оказывать турецкое вооружение на длинных древках, по форме лопасти аналогичное классическим русским бердышам.

К сожалению, лишь прорезной бердыш из собрания князей Голицыных (ил. 10) может быть точно определен как русский, а другие немногочисленные бердыши с круглой проушиной, атрибутированные в музеях как изготовленные в России⁷¹, вполне вероятно, имеют турецкое происхождение. Отличительные черты турецких «бердышей» тирпанов, к которым относится круглая проушина, прямая обушная часть, возможно, с молотком, описал Д.А. Власов⁷²; к этим признакам мы добавим короткую косицу и выступающую вырезную часть лопасти чуть выше косицы.

Тем не менее, на факт массового изготовления русских бердышей с круглыми проушинами может указывать следующая цитата 1654 г. из документов Александро-Свирского монастыря: «велено насадить топорки на долгие топорища мерою двух аршин, а топорища были бы круглые, а бердыши велено насадить на дерево же как ведется»⁷³. С большой вероятностью, круглые в сечении топорища соответствовали круглым проушинам наконечников.

Очень вероятно, что турецкое древковое оружие, в свою очередь, испытывало влияние русского. Так, в парижском Музее армии хранится оружие, определенное как русский бердыш, имеющее, тем не менее, персидскую (?) владельческую надпись⁷⁴. С нашей точки зрения, это наверняка турецкое оружие (с чисто турецкой лопастью топора, свойственной для тирпанов), но его обушная часть очень характерна для русских топоров и бердышей.

Итак, отличительной чертой русского бердыша была не варьирующаяся форма лопасти и не крепежная косица, а характерная обушная часть, общая для боевых и бытовых топоров. Тем самым предположение Д.А. Власова о том, что «бердыш на Руси... был заимствован у польско-венгерской пехоты» лишается доказательной силы. Тем более, этот исследователь, несмотря на декларируемые им аналогии русских бердышей в Европе, не привел ни одного музейного европейского «бердыша», который бы повторял по форме хотя бы один русский образец.

Что касается предположения А.Е. Писарева о том, что русские бердыши как тип оружия были заимствованы в Турции⁷⁵, то эта гипотеза в целом ошибочна, но справедлива для небольшой части этого оружия с круглой проушиной.

Возвращаясь к типологии О.В. Двуреченского, скажем несколько слов о «бердышах с островерхим концом и ромбическим лезвием» (тип. 4). В действительности, в музейных собраниях встречается

**Ил. 14. Бердыш (berdysz).
Польша, ок. 1673 г. Музей
Войска Польского**

несколько подобных образцов, причем форма их обушной части типично русская. Но в целом у нас нет достаточных оснований считать это оружие русским. Вызывают вопросы нехарактерные для русских бердышей отверстия для крепежных гвоздей, сделанные по бокам обушной части этих топоров⁷⁶. Способ приваривания косицы непосредственно к тупью топора, оставляющий нижнее острие, также не имеет аналогов у русского оружия. Наконец, совершенно нерусской выглядит форма лопасти топора, сходная более всего с некоторыми европейскими образцами типа вулжа (Voulge) или лохаберского топора (Lochaber Axe). Ближайший аналог этой «ромбической» лопасти встречается на польских специализированных бердышах, которые были приняты на вооружение в польской пехоте при короле Яне III Собесском. Эти небольшие бердыши (ил. 14) не имели косицы и использовались как подсошки при стрельбе из мушкетов⁷⁷. Этот факт может объяснить появление устойчивой легенды о том, что русские бердыши также служили подпорками для ружей русской пехоты.

Так или иначе, топоры странной «ромбической» формы лишь гипотетически могут оставаться в числе типологизируемых русских бердышей⁷⁸. Возможно, это трофейное оружие, производившееся в западнорусских землях или на территории Речи Посполитой. Гораздо более оправданным будет выделение особого подтипа среди классических бердышей – оружия, снабженного крюком на обухе. Хотя этот тип в музеях представлен минимальным количеством образцов⁷⁹, рисунки подобных бердышей были опубликованы еще А.В. Висковатовым (ил. 6) и Ф.Г. Солнцевым (ил. 2). Наконец, у нас имеется свидетельство источника 1658 г. о массовом изготовлении «топорков с крюки и бердышей с крюки» (см. выше). Бердыши с крюком на обухе были полными аналогами алебард по набору поражающих элементов.

Итак, один из важнейших выводов нашего исследования – ошибочность представлений о том, что историческое наименование *бердыш*, которое мы встречаем в письменных источниках, жестко связано с оружием определенной формы с заранее известными тактико-техническими характеристиками. Немногочисленные упоминания бердышей в документах XVI в. показывают, что это слово в большинстве случаев не могло относиться к привычному для нас оружию, образ которого был сформирован в XIX в. историками оружия и художниками. Для XVII столетия мы можем более уверенно соотнести название *бердыш* с привычным образом широколопастного топора на длинном древке. Но к части такого оружия в источниках могло прилагаться название *топорок*.

В целом наименование *бердыш* в документах XVI–XVII вв. применялось к оружию принципиально разных типов, что ставит вопрос о правомерности использования современного термина *бердыш* и более важный общеметодический вопрос о соотношении современного названия для эмпирически выявленного типа оружия и исторических наименований, совпадающих с современным, область применения которых нам известна лишь отчасти. Однозначного ответа на эти вопросы нет, но в нашем случае мы можем предложить такое решение. Русскими бердышами мы можем считать преимущественно рубящее оружие, имевшее (или предполагавшее) достаточно длинное древко для удержания двумя руками, боевую часть в виде широкой и сверх-широкой лопасти (с косицей или нет) и обушную часть, повторяющую хозяйственные топоры с треугольной проушиной. При этом обух бердышей, как правило, был рассчитан на использование в качестве рабочего инструмента. В число русских бердышей также входило оружие с месяцевидной лопастью, оформление обушной части которого с круглой в сечении проушиной было заимствовано у турецкого (?) рубящего оружия⁸⁰. Первый вид бердышей заметно преобладал над вторым в количественном отношении, и для второго вида мы не всегда можем быть уверены в его русском происхождении.

В письменных источниках к обоим видам этого оружия могли прилагаться названия *бердыш* и *топорок*, весьма вероятно, топор, а в ранних документах, возможно, *секира* или *оскорд*. Из этих названий в качестве оружейных терминов разумно использовать лишь два первых: «бердыш» – для обозначения всего класса русского длиннодревкового рубящего оружия, а «топорок» – как синонимическое

название для бердышей с относительно коротким лезвием («топорovidных бердышей») с косицей или без нее.

Другие виды оружия, к которым в XVI–XVII вв. в источниках прилагалось наименование *бердыш* – русские посольские топоры или европейские алебарды – не имеет смысла классифицировать как бердыши с современной точки зрения. Эти свидетельства письменных источников не относятся к массовому русскому оружию, возможно, представляют собой оружейные метафоры, и мы можем принять их лишь как данные о раннем крайне темном этапе развития русского бердыша.

В завершение работы мы изложим гипотетическую историю появления и развития русского бердыша. Как оружие пехоты он появился в XVI в. и существовал в виде топорков, скорее всего, без косицы, название *бердыш* применялось к нему редко. Примерно на рубеже XVI–XVII в. к бердышам приспособили крепезную косицу, что сделало их более надежным и прочным оружием, позволило вытянуть лопасть и, в частности, оформить носок топора в виде колющего острия. Классический бердыш – с косицей и вытянутой лопастью – активно развивался в первой половине XVII в., но неясно, можно ли назвать это оружие массовым для этого времени. Примерно в середине XVII столетия появился бердыш с елманью, возможно, как образцовое и уставное оружие, также получило государственную поддержку изготовление бердышей-топорков. Лопастей топорков все более удлинялись, появились сверхдлинные и декорированные образцы. С этого времени бердыши, безусловно, сделались массовым оружием, ими вооружались стрелецкие и солдатские полки, казаки, горожане и крестьяне, они наполняли арсеналы городов и монастырей; название *бердыш* в это время стало повсеместным и однозначным, хотя продолжало использоваться и наименование *топорок*.

---

¹ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. Середина – вторая половина XVII века // Армии и битвы. 2008. № 9. С. 15–29; Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев и проблема применения длиннодревкового ударно-рубящего оружия в Сибири в XVII веке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. Вып. 7. С. 300–307; Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. II. С. 456–478. <http://www.milhist.info/2012/10/05/vlasov>. Время обращения 31.01.2017; Бискуп Н.Р. Оружие на древках из собрания Государственного Эрмитажа. Проблема терминологии // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Пятой международной научно-практической конференции 14–16 мая 2014

года. Ч. I. СПб., 2014. С. 172–173; Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2015. С. 154–194.

² Как справедливо заметил А.Е. Писарев, единственным исключением является бердыш из раскопок, проведенных на месте битвы под Берестечком 1651 г.; этот образец с классической бердышной лопастью имеет точную верхнюю датировку. В публикации А.Е. Писарева также приведены фотографии двух бердышей из собрания ГИМа, на которых гравированы даты (Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 18, 27). Мы сомневаемся в том, что эти даты, как и изображения, были нанесены в XVII в.

³ В кавычки мы заключаем авторские современные термины, которые, с нашей точки зрения, являются неудачными.

⁴ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 160.

⁵ Такое название заставляет подозревать, что речь идет о двузубце или боевых вилах.

⁶ См.: Ленц Э.Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. СПб., 1895. С. 94.

⁷ Тучков С.А. Военный словарь. М., [1818] 2008. С. 51. Также «копье» упоминается как часть бердыша в издании 1911 г., см.: Оружейная палата. Путеводитель. Составили хранители Оружейной Палаты Ю.В. Арсеньев и В.К. Трутовский. М., 1911. С. 130.

⁸ См., например: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. СПб.; М., 1882. С. 417, статья «Топор».

⁹ Бобров Л.А. Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев... С. 301.

¹⁰ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 160.

¹¹ У клинкового оружия обухом называется та часть клинка, аналог которой на топорах именуется тупьём.

¹² Сказка крестьян деревни Гилевой о жестоких поступках сына боярского Федора Фефилова. 1683 // ДАИ. Т. X. Акты, относящиеся к расколу в Сибири. № VII. С. 11.

¹³ Отказные книги подьячего Пушкарского приказа Сергея Севергина боярину Льву Кирилловичу Нарышкину на Тульские, Каширские и Алексинские железные заводы. 1690 // Крепостная мануфактура в России. Ч. I. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930.

¹⁴ Подобный термин непривычен, но он более предпочтителен, чем «железко», «насад» или «лезвие». Кроме того, понятие «наконечник» объединяет топоры и древковое оружие.

¹⁵ Шейка присутствует у всех бердышей и у большинства топоров.

¹⁶ См.: Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976. С. 22.

¹⁷ Как отдельную деталь описать косицу удается не всегда. Надо полагать, что в ряде случаев косица приваривалась к нижнему концу лопасти, но в других случаях она являлась вытянутой при ковке частью лопасти, причем иногда не имела ясно выраженной границы с последней.

¹⁸ Определение бердыша как особого рода секиры методологически не представляется верным. «Секира» – нечто в высшей степени неопределенное, в музеях не хранится ни одного предмета оружия, который обоснованно носил бы это название.

¹⁹ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 156.

²⁰ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты.

²¹ Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. С. 22–23.

- ²² Денисова М.М., Портнов М.Е., Денисов Е.Н. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. Табл. VIII. № 62–66.
- ²³ Ленц Э. Описание собрания оружия графа С.Д. Шереметева. № 399–409.
- ²⁴ Там же. № 411–480.
- ²⁵ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 1. СПб. 1841. Табл. 69. Думается, что эпоху Николая I еще были живы представления о бердышах как о функциональном оружии, и материалы А.В. Висковатова в известной мере заслуживают доверия.
- ²⁶ Бехайм Вендален. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 266–267. Рис. 428.
- ²⁷ В издании Музея Войска Польского (Marianna Brzuskiwicz et al. Zbiory Muzeum Wojska Polskiego w Warszawie. Warszaw, 1997. S. 12) бердышом назван «каплевидный» топор (скорее всего, хозяйственного назначения), который бытовал лишь в Европе в XV–XVI вв. и известен под названиями долвар (фр., англ. doloire) и wagoner's axe.
- ²⁸ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 157.
- ²⁹ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Сноска 170. С. СХХIII.
- ³⁰ Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618–1619. Л., 1959. С. 192.
- ³¹ Приходно-расходные книги Болдина-Дорогобужского монастыря // РИБ. Т. 37. Пет-роград, 1923. С. 75.
- ³² Выписи из статейного списка посольства Афонасия Резанова 1592 // Новые доку-менты о России конца XVI – начала XVII в. М.: МГУ, 1967. С. 92.
- ³³ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностран-ными. Памятники дипломатических сношений с Римскою империею. Т. II. С 1594 по 1621 год. СПб., 1852. С. 313.
- ³⁴ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностран-ными. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. I. С 1488 по 1594. СПб., 1851. С. 671.
- ³⁵ Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII ве-ка. С. 458.
- ³⁶ Волков В.А. Войны и войска Московского государства (конец XV – первая половина XVII в.). М., 2004. С. 453.
- ³⁷ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 16.
- ³⁸ Дневник Марины Мнишек. М., 1995. С. 40, 53.
- ³⁹ См. Rzeczy Polskich w Moskwie za Dymitra opisanie przez jednego tam obecnego. Roku MDCV do rokni MDCIX // Акты исторические, относящиеся к России, извле-ченные из иностранных архивов и библиотек... А. И. Тургеневым. СПб., 1842. Т. 2. С. 163.
- ⁴⁰ Памятники русской старины в западных губерниях, издаваемые с высочайшего соиз-воления П.Н. Батюшковым. [Альбом]. Вып. 7. Холмская Русь. СПб., 1885. Ил. № 15; Суцук Юрій. Гетьманські клейноди та особисті речі Богдана Хмельницького у колек-ціях музеїв Європи (пошук, знахідки, атрибуція). Київ, 2006. С. 44, 88, 89; Тоїчкін Д.В. Козацька шабля XVII–XVIII ст. Історико-зброєзнавче дослідження. Київ, 2007. С. 290.
- ⁴¹ В музейной инвентарной карточке имеется запись: «Торго... prawdopodobnie falsyfikac XIX wieku». Суцук Юрій. Гетьманські клейноди та особисті речі Богдана Хмельницького у колекціях музеїв Європи. С. 64.

- ⁴² Дело о пограблении Соловецкого монастыря воеводою Иваном Мещериновым // ЧОИДР. 1884. Кн. I. С. 22–41.
- ⁴³ Там же. С. 29.
- ⁴⁴ Там же. С. 40.
- ⁴⁵ Там же. С. 36, 38.
- ⁴⁶ Некий Иван Мещеринов упоминался при Тульских железных заводах в 1660-е гг.
- ⁴⁷ Книги описные князь Васильевых и сына его князь Алексеевых всяких животов Голицыных на из московском большом и на загородном дворах, что за Никитскими вороты в привозных // Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. IV. СПб., 1893. Ст. 135. Других прорезных бердышей не было ни в собрании музея, ни в ранних описях Оружейной палаты.
- ⁴⁸ Городцов В.А. Описание холодного оружия: Топор, бердыш, алебарда, протазаны и эспонтоны // Отчет Российского исторического музея в Москве 1906 г. М., 1907. С. 115, 116. Интересно, что этот исследователь процитировал описание бердыша из Описи имущества Голицыных и параллельно описал сам предмет из музейного собрания как разные образцы оружия.
- ⁴⁹ Богатская И.А. «Российские древности» в произведениях графики первой половины XIX века. Т. 1. М., 2014. С. 363, № 431.
- ⁵⁰ Чубинский А.Н. Предметы вооружения, утраченные Оружейной палатой в XVII–XIX вв. Утраты мнимые и действительные // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой международной научно-практической конференции. Ч. V. СПб., 2016. С. 341–358.
- ⁵¹ Опись имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 1–90. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 38 об.
- ⁵² Также в надписи приведены несколько строк из Псалма 117, молитвы об оборонении врагов, и из Книги Притч.
- ⁵³ Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. М., 2012. Л. 28, с. 254.
- ⁵⁴ Там же. С. 254.
- ⁵⁵ Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 160. Круглую проушину этот исследователь считал нетипичной и поздней.
- ⁵⁶ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 25.
- ⁵⁷ Грамота Маркела, архиепископа Вологодского и Великопермского в Спасо-Прилуцкий монастырь. 1656 // ААЭ. Т. 4. № 91. С. 131.
- ⁵⁸ Память из Приказа Большого дворца о сделании топорок и бердышей с крюками. 1658. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5913. Л. 1.
- ⁵⁹ Цитируется по: Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 15.
- ⁶⁰ Смотренный список города Суздаля. 1676 // ДАИ. Т. 9. № 9. С. 21.
- ⁶¹ Царская грамота вяземскому воеводе Андрею Бутримову. 1687 // ДАИ. Т. 12. № 5. IV. С. 16–17.
- ⁶² Дело об уплате денег Петру Марселису за железные изделия. 1669 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. № 100. С. 370.
- ⁶³ Челобитная Петра Марселиса в Посольский приказ о приеме в Пушкарский приказ железных изделий. 1668 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. С. 362.

- ⁶⁴ Росписной список, по которому окольничий и воевода Иван Иванович Головин принял город Псков от воеводы Кирилы Нарышкина. Ок. 1699. РГАДА. Ф. 159. Дела новой разборки. Оп. 1. Д. 220. Л. 9.
- ⁶⁵ Описание имуществу князя Василия и сына его Алексея Голицыных, принятому в Оружейную палату в 1689–1690 гг. Л. 1–90. РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 38 об.
- ⁶⁶ Сказание Авраамия Палицина. Издание Императорской археографической комиссии. СПб., 1909. С. 189–190.
- ⁶⁷ Две памяти из Пушкарского приказа в Посольский приказ о принятых с Тульских и Каширских заводов железных изделиях. 1668 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. № 97. С. 368.
- ⁶⁸ Разработка этой формы была предпринята с учетом типичных повреждений классических бердышей. Анализ собрания бердышей Музеев Московского Кремля показывает, что, помимо полной или частичной утраты косицы, самым частым повреждением бердышей («в одно острие») была утрата острия или даже всей верхней половины лопасти топора. Судя по всему, расширение лопасти бердышного топора должно было укрепить эту подверженную поломке часть оружия.
- ⁶⁹ Дело об уплате денег Петру Марселису за поставленные в 178 году в Пушкарский приказ материалы. 1670 // Крепостная мануфактура в России. Ч. 1. С. 412.
- ⁷⁰ Если исходить из величины русского фунта в 409 г., то приведенные в источнике данные позволяют определить вес образцового бердыша в 998 г.
- ⁷¹ Государственный Эрмитаж. Инв. № 3.О. 7904; Государственный исторический музей. Инв. № 4896 Ор, 7021 Ор. Автор выражает искреннюю благодарность хранителям Н.Р. Бискуп (ГЭ) и Т.В. Чистоговой (ГИМ) за возможность познакомиться с этим оружием.
- ⁷² Власов Д.А. К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века. С. 460–461. К сожалению, в этой работе нет ссылок на опубликованные образцы этого оружия.
- ⁷³ Акты Александрова Свирского монастыря XVII в. Архив СПбИИ РАН. Ф. 3. Оп. 1. № 157. Ст. 4. [Картотека древнерусского словаря. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН].
- ⁷⁴ Musée de l'Armée. N inventaire: 216 Po. [Электронный ресурс] <http://www.musee-armee.fr/collections/base-de-donnees-des-collections/objet/bardiche-ayant-appartenu-a-underviche.html>. Время обращения: 31.01.2017.
- ⁷⁵ Писарев А.Е. Бердыши русской пехоты. С. 29.
- ⁷⁶ Такое крепление, по меньшей мере, не технологично, так как ослабляет наиболее уязвимую часть древка. Автор благодарит за это ценное наблюдение научного сотрудника Государственного Эрмитажа А. Богданова.
- ⁷⁷ Brzezinski Richard. Polish Armies 1569–1696. Vol. 2. L., 1987. P. 14; Квасневич Владзимеж. Лексикон холодного и метательного оружия. СПб., 2012. С. 23.
- ⁷⁸ Возможно, топоры подобной формы появились в западнорусских землях или на территории Речи Посполитой, а сохранившиеся образцы могут являться трофеями.
- ⁷⁹ ВИМАИВиВС, см.: Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. С. 187, рис. 108; Государственный Эрмитаж. Инв. № 3.О. 7907.
- ⁸⁰ Источник заимствования – более ранние кавалерийские топоры или «мамлюкские секиры» – мы не можем указать точно, это тема для отдельного исследования.